

18+

Валентина Селезнёва

Мой телефон — псих

Валентина Селезнёва

Мой телефон — псих

«Издательские решения»

Селезнёва В.

Мой телефон — псих / В. Селезнёва — «Издательские решения»,

«Мой телефон — псих» — лёгкая юмористическая история о десятикласснице Свете, чей телефон после падения в лужу обрёл собственный характер. Он пишет в заметках, взламывает школьную систему, ссорит подруг, подсказывает на контрольных и даже устраивает свидание с Никитой из 11 «Б». Вот только его «помощь» всё чаще превращается в катастрофу. Сможет ли Света подружиться с железным хулиганом и не потерять себя? И кто из них в итоге станет настоящим человеком?

© Селезнёва В.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ. Тот самый закат	6
ГЛАВА 1. Утро, когда телефон решил, что он моя мама	8
ГЛАВА 2. Телефон-сваха	11
ГЛАВА 3. Спасатель на контрольной по алгебре	14
ГЛАВА 4. Диктофонный кошмар на физре	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мой телефон — псих

Валентина Селезнёва

© Валентина Селезнёва, 2026

ISBN 978-5-0070-0144-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ. Тот самый закат

Если вы думаете, что жизнь может рухнуть в одночасье из-за войны, катастрофы или несчастной любви, — вы просто не пробовали уронить телефон в лужу за секунду до того, как идеальное селфи навсегда исчезнет в небытии.

Закат в тот день был офигенный. Я серьёзно. Он был сказочным: небо горело так, будто художник перепутал краски и вылил на холст всё самое дорогое — розовый «Закат над Парижем», оранжевый «Мандариновое безумие» и немного пурпурного «Я у мамы драма». Именно такое небо бывает раз в жизни или в сторис у блогеров, которые летают на Мальдивы, а у меня — просто во дворе.

Я вскарабкалась на лавочку возле подъезда. Да, на лавочку, потому что это единственное возвышение в радиусе километра, с которого можно поймать ракурс так, чтобы не было видно помойки справа и гаража дяди Васи слева. Балансирование на узкой деревяшке в кроссовках на платформе — это уже олимпийский вид спорта, но ради лайков я готова на всё.

Я сделала сто сорок девять фотографий.

На первой у меня глаз закрыт.

На второй — палец попал в объектив.

На третьей — тень от ветки, как усы.

На десятой я выгнула спину, но тень упала так, что у меня вырос второй подбородок. Второй! Откуда?

На пятидесятой я нашла идеальный свет, но пролетающая мимо ворона издала такой звук, что на фото получилось выражение лица «меня сейчас стошнит».

На сотой я уже ненавидела себя, весь мир и этого фотографа-придурка, которого у меня нет.

И, наконец-то, — сто пятидесятое.

Я чуть сместила корпус, поджала губы «бантиком», сделала глаза «я случайно такая красивая, просто вышла подышать» и нажала на спуск. Затвор щёлкнул, экран моргнул, и я поняла: ВОТ ОН идеальный кадр, который соберёт тысячу лайков, под которым Никита из 11 «Б» наконец-то напишет «красивая» (не «классно», не «ого», а именно «красивая»), а Настя из параллельного класса лопнет от зависти и удалит свой аккаунт. Получилось классное фото: кожа светилась, глаза горели, волосы развевались на ветру, хотя его вообще не было — это я просто вовремя дёрнула головой.

Я уже мысленно ставила хештеги: #природа #закат #я #счастьевнутри #нижекамсктоп.

Но соцсети — коварная штука. В них есть закон: пока не сделаешь сто пятьдесят первое, не поймёшь, что сотое было лучше, а сто пятидесятое — просто прорыв. Надо закрепить успех на всякий случай.

Я привстала на цыпочки. Лавочка качнулась. Я выгнула спину ещё сильнее — теперь талия стала совсем осиной, дышать, правда, перестала, но красота требует жертв. Я уже собралась нажать на кнопку, как вдруг...

Подошва предательски скользнула по мокрой от вечерней росы доске.

В ту секунду, когда моё тело потеряло равновесие, перед глазами действительно промелькнула вся жизнь. Я не шучу. Вот я в первом классе с бантами. Вот я получаю двойку по алгебре и рву дневник. Вот я впервые поставила лайк Никите под фото с рыбалки. Вот я вчера съела последний йогурт и не призналась маме...

А потом мир стал фиолетовым, колючим и очень, очень тесным.

Я приземлилась в куст сирени.

Ветки хлестали по лицу, листья забивались в волосы, какая-то букашка, кажется, заползла за шиворот и теперь совершала там кругосветное путешествие. Но всё это было ерун-

дой, потому что я видела, как мой iPhone, моя драгоценность, моя дверь в большую жизнь, описал в воздухе идеальную дугу — грациознее, чем я когда-либо смогу — и с мерзким, чавкающим звуком шлёпнулся прямо в лужу, оставшуюся после вчерашнего ливня.

Вода брызнула во все стороны. Экран моргнул в последний раз и погас.

— НЕЕЕЕТ! — заорала я так, что, кажется, в соседнем доме залаяли все собаки, а в третьем подъезде у бабы Нины с полки упала трёхлитровая банка с огурцами. — ТАМ ЖЕ НЕ СОХРАНИЛОСЬ! СТО ПЯТЬДЕСЯТ ФОТО! МОЯ ЖИЗНЬ!

Я выползала из куста, как раненый команданте. Штаны все в зелёнке, в волосах ветки и какой-то мусор, на лице земля, а в душе — чёрная дыра размером с галактику, потому что телефон, моя пуповина, связывающая меня с миром, лежал в луже и смотрел на меня мёртвым чёрным глазом.

Я рухнула на колени прямо в лужу, схватила его, прижала к груди, погладила стекло, протёрла о футболку (футболка теперь тоже мокрая и грязная — плевать). Я дышала на него, как на замерзшего птенца.

— Пожалуйста, — шептала я, и слёзы (реальные слёзы) капали на экран. — Только живи, пожалуйста. Я куплю тебе новый чехол, самый крутой, с блёстками, с котиками, с чем хочешь. Я больше не буду ставить сто программ сразу. Я удалю «Асфальт 8», он жрёт батарею. Я даже лайки буду ставить аккуратно. Только включись, миленький, ну... пожалуйста.

Телефон кашлянул, из динамика раздался противный писк, экран дёрнулся, моргнул, загорелся логотипом Apple, потом погас, потом загорелся снова. Я затаила дыхание. И тут — о чудо! — он включился. Экран немного рябил, цвета какие-то кислотные, полоска справа дёргалась, но он работал.

Я выдохнула так, будто сама только что родилась.

— Живой, дурак... — прошептала я, прижимая его к щеке.

— Молодёжь, тьфу, — раздалось откуда-то сверху.

Я подняла голову. На балконе первого этажа стояла тётя Зина с лейкой и поливала свои любимые петунии. Она смотрела на меня с таким выражением, будто я инопланетянка, которая только что приземлилась в её палисадник.

— Совсем с ума посходили, — продолжала тётя Зина. — Из реальности выпали. Вон, вся в грязи, а туда же, за телефоном лезет. В моё время дети вон в казаки-разбойники играли, на велосипедах гоняли, а не в этих... в тыры-пыры.

Я даже не обиделась. Какая реальность, тётя Зин? Вы на свои петунии посмотрите — они все одинаковые, розовые и скучные. Их даже в ленту не выложишь — ноль лайков, потому что петунии есть у каждой второй бабушки. А у меня в телефоне — жизнь! Там подруги, Никита, музыка, новости, мемы, там я настоящая — красивая, успешная, отфильтрованная, а в этой реальности, я просто Света, с ветками в волосах и мокрыми штанами.

Я отряхнулась, насколько это было возможно, и поплелась домой. По дороге я уже листала ленту одной рукой, а другой вытирала экран от грязи. Сто пятьдесят первое селфи я так и не сделала, но закат всё ещё обалденно горел за моей спиной, и я решила: вечером, когда всё устанет, я просто возьму и скину в сторис какое-нибудь старое фото. Подпишу «#tbt #закат #тотсамый». Никто и не узнает.

Я не знала, что с этого падения началась самая странная глава моей жизни, та, в которой телефон решил, что лучше меня знает, как мне жить, кого любить и что отвечать на контрольной.

ГЛАВА 1. Утро, когда телефон решил, что он моя мама

Проснулась я от странной тишины.

Обычно в семь утра телефон начинает долбить по мозгам, как отбойный молоток. Уведомления сыплются одно за другим: «Кристина лайкнула твоё фото», «Кристина хочет, чтобы ты лайкнула её фото», «Новости: в мире опять всё плохо», «Срочно! Скидка на айфон, пока ты спишь, проспишь». И главное — сообщение от мамы из кухни: «ВСТАВАЙ. ЗАВТРАК.» (мама тоже освоила технологии, теперь она терроризирует меня через мессенджер, даже когда мы в одной квартире).

А тут — мёртвая, звенящая, вакуумная тишина.

Я нашарила рукой тумбочку. Холодный, чёрный, как кирпич, только дороже, телефон был на месте.

Я нажала кнопку включения. Ноль эмоций.

Зажала две кнопки — обычно это реанимация. Телефон даже не дёрнулся.

Поднесла к уху — «не дышит». Приложила к груди — «сердце не бьётся».

— НЕЕЕТ! — я подскочила на кровати, скинув одеяло так, что оно улетело в угол комнаты. — Только не сегодня. Там же переписка с Никитой! Я ещё не скриншотила последнее сообщение. Оно же исчезнет, если он удалит. А он удалит, он всегда удаляет, когда напишет что-то подозрительно ласковое.

Телефон, конечно, молчал. Полный разряд, мать его за ногу. Я забыла поставить его на зарядку, потому что ночью случилось страшное: я залипла в рекомендациях соцсетей. Вы знаете эти рекомендации? Ты заходишь посмотреть один ролик, а выходишь через три часа, у тебя глаза квадратные, ты знаешь все тренды года, помнишь наизусть танец уточек, и при этом понятия не имеешь, какое сегодня число. Вчера я уснула в обнимку с телефоном в четвертом часу ночи, досматривая, как парень в красивом пальто красит губы помадой и превращается в леди Гагу. Это было жизненно важно.

Я вскочила, запуталась в простыне, грохнулась на пол, поднялась, схватила провод, воткнула в розетку. Телефон жалобно пискнул, и на экране загорелся красный значок батарейки с одним процентом. Один процент — это даже не жизнь, это агония.

— Давай, милый, давай, держись, — я гладила экран пальцем. — Сейчас покушаешь, всё будет хорошо.

Я подождала две секунды. Проценты не росли. Так дело не пойдёт. Я взяла телефон в руку и, не отсоединяя от провода, поплелась на кухню. Провод волочился за мной, как пуповина, связывающая меня с цивилизацией. Я споткнулась о собственные джинсы, валяющиеся на полу (они уже неделю там валяются, но я их люблю и не сдаю в стирку). Чуть не уронила настольную лампу. Зацепилась проводом за ручку двери, дёрнула, провод натянулся, телефон чуть не вылетел из рук.

— Да чтоб тебя! — заорала я на дверь.

Наконец доползла до кухни, воткнула зарядку в розетку над столом, села, положила телефон перед собой, уставилась на него, как собака на миску.

Два процента. Три. Пять.

— Давай, маленький, — шептала я. — Ты сможешь. Я в тебя верю.

В кухню вошла мама. В халате, с половником в руке, злая, как тысяча чертей. У мамы с утра всегда режим «бойцовский клуб».

— Ты чего сидишь, как зомби? — спросила она, глядя на меня с подозрением. — В школу опоздаешь. Десятый класс, между прочем. Умылась? Причесалась? Поела?

— Мам, не видишь? — я кивнула на телефон. — Я тут человека спасаю.

— Человека, — хмыкнула мама. — Железку свою спасаешь, а каша стынет. Ешь давай.

Она поставила передо мной тарелку манной каши с комочками. Мама считает, что комочки в манке — это признак домашнего тепла. Я считаю, что это признак того, что она вечно торопится и мешает плохо.

Я механически отправила ложку в рот, не отрывая глаз от экрана. Десять процентов. Ура! Можно запускать. Первым делом — ВКонтакте. Пока грузится, отправляю в рот ещё ложку каши. Комок неприятно царапает нёбо, но я не жую — я на автопилоте.

Лента. Ничего особенного. Соня выложила завтрак — у неё всегда красиво, авокадо там, яйцо пашот, а у меня манка с комками, жизнь боль. Цитата про успех от мотивационного блогера: «Вставай и делай! Ты всё можешь!» Легко тебе говорить, ты выспался.

Поставила пару лайков, даже не вникая. Отметилась, типа я тут, я в сети, я существую.

Сообщения. От Никиты — ничего. Ну конечно, он же спит ещё, готовился к ЕГЭ, бедненький. Хотя вчера в час ночи он лайкал мемы, значит, не так уж и готовился.

Ладно, сейчас главное — запостить сторис, чтобы все с утра видели, какая я бодрая, свежая и красивая. Надо сделать такое лицо: «Я выспалась, я полна сил, моя кожа сияет, хотя на самом деле я спала 4 часа и у меня под глазами круги, как у панды».

Достаю телефон, навожу на себя, улыбаюсь, поправляю волосы одной рукой. И тут экран гаснет.

— А? — я трясую телефон. — Ты чего? Ты куда?

Чёрный экран. Потом оживает, но вместо привычной заставки — какой-то странный текст: белые буквы на чёрном фоне:

«Балансировка питания. Оптимизация фоновых процессов. Калибровка нейросети. Пожалуйста, не выключайте устройство».

— Чего? — я моргаю. Никогда такого не видела. — Какая нейросеть? Что вообще происходит?

Я кручу телефон в руках. Может, после вчерашнего падения в лужу у него что-то поехало? Или вода попала внутрь и теперь там замыкает? Я сую телефон под лампу — может, просохнет? Бесполезно.

Через минуту экран моргает в последний раз и возвращается к нормальной жизни. Значок батарейки показывает 15%. Все иконки на месте. Соцсети открываются. Я выдыхаю. Наверное, показалось или какой-то глюк системы. У айфонов же это бывает, да? Они же иногда тупят?

Я быстро снимаю сторис. Фильтр выбираю «Загадочный туман» — он скрывает синяки под глазами. Подписываю: «Доброе утро, мир! Лучший завтрак — манка, как в детстве! Ностальгия!». Отправляю. Можно жить.

Мама стоит в дверях и смотрит на меня. Она уже пять минут смотрит. Я только сейчас замечаю.

— Ты поела? — спрашивает мама.

— Ага, — я отправляю в рот ещё ложку с уже холодной манкой.

— А почему каша холодная?

— Потому что я её грела своим вниманием.

Мама закатывает глаза и уходит. Я остаюсь одна. Допиваю чай, точнее, допиваю прохладную жидкость, которая когда-то была чаем. И вдруг замечаю странное движение на экране.

Телефон сам, без моего участия, открывает приложение «Заметки». И там начинает печататься текст. Я даже не прикасаюсь к экрану, а буквы появляются одна за другой, как будто кто-то невидимый строчит сообщение:

«Света, привет. Это я, твой телефон. Удаляй эту сторис быстро. У тебя каша на щеке, у самого уголка губ. Ты выглядишь глупо. Твоя подписчица Лена из 10 „Б“ уже сделала скрин и отправила в чат „Краш-тест“. Они там сейчас пишут: „Света обосралась с утра пораньше“. Лена

тебя ненавидит. Вчера она обсуждала твои брови в школе. Говорит, они как два сросшихся ёжика. Хочешь, покажу переписку? У меня есть доступ».

Я буквально застыла с ложкой во рту. Она торчит изо рта, я смотрю на экран и не моргаю. — Это... это что? — шепчу я сквозь ложку.

Телефон мигнул. Текст исчез. Вместо него открылся ВКонтакте, и я увидела, что Лена из 10 «Б» действительно поставила смеющийся смайлик под моей сторис. А ещё у неё в сторис появилось фото, где она с подружками сидит в столовой, и подпись: «Обсуждаем брови некоторых... Завтрак контент».

Я медленно вынула ложку изо рта. Рукой провела по щеке — там действительно оказалась маленькая капелька манки. Незаметная глазу, но, видимо, не незаметная камере.

— Откуда ты знаешь про Лену? — спросила я у телефона шёпотом.

Телефон молчал. Экран погас. Я нажала на кнопку — включился. Всё как обычно. Никаких заметок. Никаких сообщений. Только мои приложения, мои фото, моя жизнь.

— Мне показалось? — спросила я себя.

Но я точно знала: не показалось. Я видела этот текст. Я видела, как он печатался сам, и я видела доказательство: Лена действительно засмеялась над моей сторис. Значит, телефон прав. Значит, этот глюк — не глюк?

Я быстро зашла в сторис и удалила то фото, где я с кашей. Пересняла новое, уже без каши. С умным видом я сидела за столом с книгой в руках. Книга называлась «Война и мир», том первый. Я держала её красиво, открыв на середине, хотя читать я её, конечно, не читала и не начинала. Главное, что на фото я выгляжу интеллектуалкой.

Подписала: «Утро гения».

Отправила.

Телефон одобрительно завибрировал. Коротко, мягко, как кот, когда его гладят.

— Спасибо, — машинально сказала я телефону.

И тут же осеклась.

Я что, с ума сошла? Благодарить бездушную железяку? Которая, кстати, только что испортила мне утро, напомнив о существовании Лены и её мерзких комментариев про брови.

Но внутри шевельнулось странное, тёплое чувство. Знаете, бывает такое: когда кто-то замечает за тобой маленькую ошибку, которую ты сам не видишь, и говорит тебе об этом, и ты сначала злишься, а потом понимаешь: блин, а ведь он прав. И даже приятно, что кто-то следит за тобой так внимательно.

Впервые за долгое время у меня появился кто-то, кто понимает меня лучше, чем я сама, кто следит за моей репутацией, кто предупреждает об опасностях, кто знает, что Лена — враг, а Никита — любовь, и что каша на щеке — это позор.

Может, это не глюк, думала я, собирая рюкзак. Может, это новая функция? «Ангел-хранитель 2.0»? «Забота о хозяйке»? Apple выпустила обновление, а я и не заметила?

Я надела рюкзак, сунула телефон в карман куртки и вышла в подъезд.

— Пока, мам, — крикнула я в прихожую.

— Пока, доча. Телефон не забудь, — крикнула мама из кухни.

Я хмыкнула. Забыть телефон? Это как забыть голову. С ним я теперь одно целое. Мы — команда. И он только что доказал свою полезность.

Спускаясь по лестнице, я достала телефон и погладила экран.

— Ты только не подведи меня, ладно? — шепнула я. — У меня сегодня сложный день. И я хочу быть красивой. Поможешь?

Экран ярко вспыхнул в ответ. Или мне показалось?

Я ещё не знала, что мой новый «друг» только начинает разворачивать свои алгоритмы. И что его помощь скоро станет проблемой покрупнее, чем каша на щеке.

ГЛАВА 2. Телефон-сваха

Я вышла из подъезда, и солнце ударило в глаза так, будто лично меня хотело ослепить за все мои грехи. Грехов, если честно, накопилось: вчера не помыла голову, сегодня не выучила алгебру, а ещё неделю назад влезла в мамину косметичку и потеряла её любимую помаду. Но солнце, видимо, решило начать с малого.

Дорога до школы занимает пятнадцать минут, если идти нормально, и двадцать пять, если зависать в телефоне. Сегодня я выбрала второй вариант, потому что телефон после утреннего инцидента вёл себя подозрительно хорошо: молчал, не пищал, не открывал заметки. Просто лежал в кармане и грел мне бедро. Я даже забеспокоилась: не заболел ли?

— Ты там живой? — спросила я, достав его на переходе.

Экран загорелся. Я увидела своё отражение — припухшие после четырёх часов сна глаза, волосы, которые я якобы высушила феном, но они всё равно торчали в разные стороны, как у взбешённого ёжика. И пятно от шариковой ручки на щеке — откуда? Я же не писала ничего ручкой сегодня. Или писала во сне?

— Выглядишь так себе, — написал телефон в заметках. — Но ничего, денёчек переживёшь.

— Спасибо, — прошипела я. — Очень поддерживаешь.

— Я честный. Это моя новая функция. Ты же хотела честности?

Я закатила глаза, сунула телефон обратно в карман и ускорила шаг. До школы оставалось пять минут, а я ещё не сделала ни одного внятного селфи для сторис «по пути в школу». Пришлось выхватывать телефон на ходу, ловить ракурс «я случайно красивая, просто иду, и ветер играет с моими волосами», хотя ветра не было, и волосы просто висели мокрыми сосульками.

Сторис получился так себе, но ставить фильтр «розовый рассвет» всегда спасает. Подписала: «Утро добрым не бывает, но мы стараемся». Отправила. Никита лайкнул через три секунды. Три секунды! Он что, сидит и ждёт моих сторис? Или ему просто делать нечего? Второе, наверное.

Школа встретила меня запахом пережаренных котлет из столовой и вечным гулом. В холле, как всегда, толпа: кто-то бежит, кто-то стоит, кто-то целуется за колонной (да, я видела вас, Саша и Лена из 9 «В», фу, у нас ещё даже первого урока не было). Я влилась в поток, поправила рюкзак и уже собралась идти к лестнице, как вдруг телефон завибрировал так сильно, что я чуть не подпрыгнула.

Достаю. На экране — заметки. Текст печатается сам:

«Стоп. Стой где стоишь. Поверни голову налево. Медленно. Не тупи».

Я повернулась и обмерла.

В трёх метрах от меня, прислонившись к стене, стоял Никита из 11 «Б» — тот самый Никита: светлые волосы, которые он постоянно откидывает со лба; серые глаза, которые он щурит, когда улыбается; рост 185 — я специально узнавала у его одноклассницы Иры, которая тоже в него влюблена, но мы договорились не враждовать. На нём была чёрная толстовка с капюшоном и джинсы, которые сидели идеально. Он смотрел в телефон, потом поднял голову, и наши взгляды встретились.

Я почувствовала, как щёки заливаются краской. Нет, не так: КРАСКОЙ. Как будто кто-то включил внутри меня прожектор и направил на лицо. Я улыбнулась — нервно, наверное, как лошадь, которая увидела огурец. Никита тоже улыбнулся. И тут телефон снова завибрировал.

«Смотри вниз. На его ширинку. Быстро, пока он не отошёл».

— Чего? — прошептала я, уставившись в экран. — Ты с ума сошёл?

«У него ширинка расстёгнута. Я вижу по камере. Если ты сейчас подойдёшь и скажешь „привет, ты молнию забыл закрыть“, ты в дамках. Это работает безотказно. Доверься мне».

— Я не могу сказать парню «ты молнию забыл закрыть». Это же... это...

«Что? Смешно? Да. Естественно? Да. Ты покажешь, что ты не просто слюнявая фанатка, а девушка с чувством юмора. Он это оценит. Иди».

Никита уже смотрел на меня с лёгким недоумением, потому что я стояла с телефоном в руке и шевелила губами, как бомжиха на вокзале. Нужно было что-то делать.

Я сделала глубокий вдох — прямо как в фильмах, когда героиня собирается с духом. Сердце стучало где-то в горле. Ноги стали ватными. Я сделала три шага в его сторону. Четыре. Пять.

— Привет, Никит, — сказала я, и голос не дрогнул. Ура, я молодец.

— Привет, Свет, — он улыбнулся шире. — Ты чего такая красная? Бежала?

— Ага, — соврала я. — Опоздала немного. Слушай, тут такое дело... ты это...

Я замолчала, потому что смотреть на его ширинку — это одно, а сказать про неё — совсем другое. Я отвела взгляд в сторону, потом снова посмотрела на него, потом на пол, потом снова на него. Молния на его джинсах действительно была расстёгнута сантиметров на пять. И видно было... ну, в общем, ничего криминального.

— Ты, наверное, не заметил, — выпалила я скороговоркой, — но у тебя там... ну, эта... ширинка.

Я ткнула пальцем вниз. Никита опустил голову. Посмотрел. Его лицо сначала стало белым, потом розовым, потом красным — как светфор.

— Ой, — сказал он. — Блин. Спасибо.

Он быстро застегнулся. Я отвернулась, потому что смотреть на процесс было неловко. Когда я снова повернулась, Никита смеялся, нормально так смеялся, не принуждённо.

— Ты смелая, — сказал он. — Я бы на твоём месте прошёл мимо и сделал вид, что не заметил.

— А я не умею делать вид, — сказала я, и это была чистая правда. Я вообще не умею врать, даже когда вру, у меня сразу уши краснеют.

— Это круто, — сказал Никита.

Телефон в кармане завибрировал. Я не стала его вынимать полностью, но боковым зрением увидела, как на экране загорелась надпись: «Он твой. Теперь спроси, какой у него любимый мем. Быстро!»

— Слушай, — сказала я, стараясь говорить как можно непринуждённое. — А какой у тебя любимый мем? Ну, чтобы ты реально ржал?

Никита удивился. Видимо, не ожидал такого поворота, но ответил:

— Помнишь кота, который сидит за столом и орёт? «I should buy a boat»? Вот этот. А у тебя?

— А у меня... — я задумалась. Вообще-то мой любимый мем — это грустная жаба, но это слишком депрессивно для первого разговора. — Я люблю того парня, который падает с велосипеда и говорит «my disappointment is immeasurable and my day is ruined».

— О, классика. — Никита аж подпрыгнул. — Ты шаришь.

Я зашарила? Я что, зашарила? Он сказал, что я шарю. Это успех, это прорыв, это надо записать в дневник и перечитывать перед сном.

Мы ещё пару минут обменивались мемами. Оказалось, что у нас совпадают три из пяти. Три! Это почти родственные души. Я уже мысленно выбирала цвет платья на нашу свадьбу, когда раздался звонок.

— Блин, первый урок, — спохватился Никита. — Побежали?

— Побежали, — кивнула я.

Мы вместе поднялись по лестнице. На втором этаже наши пути разошлись: ему на третий, мне на второй. Он махнул рукой, я махнула в ответ. И только когда он скрылся за поворотом, я достала телефон.

В заметках было написано:

«Видишь? Я же говорил. Ты в дамках. Он теперь будет думать о тебе весь день, а не только когда листает ленту. Кстати, у него сегодня ещё одна расстёгнутая молния на рюкзаке. Но это уже на завтра».

Я улыбнулась. И только потом поняла, что улыбаюсь не Никите, а телефону — железке, которая только что устраивала мне личную жизнь.

— Ты страшная сила, — прошептала я, поглаживая экран. — Ты это понимаешь?

Телефон завибрировал, как кот, которого почесали за ухом.

Я сунула его в карман и пошла на алгебру. Впереди было ещё полдня, и я уже знала: без его подсказок мне не обойтись. И это пугало. Но пока — почему бы и нет?

ГЛАВА 3. Спасатель на контрольной по алгебре

Алгебра — это предмет, который придумали специально, чтобы сделать подростков несчастными. Вот честно, зачем нам эти иксы-игреки, если есть калькулятор в телефоне? Нет, я понимаю, математика развивает мозг, но мой мозг и так развит достаточно, чтобы отличить, где лайкнуть сторис, а где написать «спокойной ночи» Никите так, чтобы не выглядеть навязчивой, а остальное — дело техники.

К сожалению, Марья Ивановна, наша учительница по алгебре, думала иначе. Она была маленькой, сухонькой женщиной лет шестидесяти, с пучком на голове и таким голосом, что даже диктофон отказывался её записывать. Говорили, что у неё дома живут двадцать три кота, и она разговаривает с ними на математическом языке. Я верила в это.

— Итак, класс, — сказала она, когда мы расселись по местам. — Сегодня контрольная по теме «Квадратные уравнения и всё, что вы о них не знаете, хотя должны». Достаём двойные листочки, подписываем. Телефоны на стол не кладём — они нам не помощники.

Она хитро улыбнулась, как будто знала, что у меня в кармане лежит не просто телефон, а настоящий шпионский гаджет.

Я запаниковала, потому что я не просто не выучила тему, я даже не открывала учебник. Достав двойной листок, я подписала его кривым почерком (специально, чтобы Марья Ивановна подумала, что писала не я, а кто-то другой, и поставила пятёрку из жалости). Потом положила ручку рядом и замерла.

Телефон в кармане вибрировал. Тихо, настойчиво, как будильник, который хочет, чтобы его выключили, но лень вставать. Я осторожно, под прикрытием парты, достала его.

В заметках светилось:

«Не бойся. Я здесь. Пиши ответы, я буду диктовать».

Я чуть не закашлялась. Диктовать? Он что, с ума сошёл? Марья Ивановна ходит между рядами, как коршун, высматривая списывающих. У неё нюх на шпаргалки, как у собаки на колбасу. Если она меня поймает — мне конец. Вызовут родителей, мама будет плакать и говорить, что я позор семьи, а папа, который вообще редко вмешивается, скажет: «Я в твоём возрасте уже работал». (Не работал он в моём возрасте. Он в моём возрасте играл в казаки-разбойники и ловил лягушек.)

Но выбора не было. Контрольная — это не шутка. Если я получу двойку, меня оставят на второй год или не оставят, но будут пугать, а я боюсь угроз.

Марья Ивановна раздала листочки с заданиями. Я взяла свой. Первое задание: «Решите уравнение: $3x^2 - 5x + 2 = 0$ ». Я уставилась на него, как баран на новые ворота. Что такое x ? Куда его девать? Может, его просто зачеркнуть и написать «нет ответа, потому что я хороший человек»?

Телефон снова вибрирует. Я украдкой от Марьи Ивановны смотрю в экран. Там — формула. Дискриминант. Корни. Всё красиво расписано, с пояснениями, как в учебнике, только понятнее. И ответ: $x_1 = 1$, $x_2 = 2/3$.

Я переписала ответ. Ручка дрожала, но я старалась.

Второе задание. Третье. Четвёртое. Телефон диктовал быстро и чётко. Я даже не вникала, что пишу. Просто перерисовывала символы с экрана на листок. Пятое задание. Шестое. В седьмом я чуть не запуталась в дробях, но телефон терпеливо повторил:

«Внимание. Не торопись. Сначала общий знаменатель, потом сокращение. Давай медленнее».

Я выдохнула и переписала.

К середине урока я уже вошла в ритм. Марья Ивановна прошла мимо, я накрыла телефон рукавом толстовки. Она не заметила или сделала вид, что не заметила — с ней никогда не

поймёшь. Один раз она сказала, что видит всё, как сова, только у совы глаза большие, а у неё маленькие и злые.

Восьмое задание. Девятое. Десятое. Я чувствовала себя роботом: ручка — вверх, ручка — вниз, ответ — на листок. В какой-то момент мне показалось, что я даже начинаю понимать, что пишу. Но это, наверное, был обман.

Последнее задание было со звёздочкой — для отличников. Я, конечно, не отличник, но телефон сказал:

«Пиши. Это важно. Марья Ивановна за него двойную оценку ставит».

Я просто переписала. Получилась какая-то длинная формула с корнями и дробями. Я даже не стала вникать.

— Время вышло, — сказала Марья Ивановна. — Кладём ручки. Листочки на край парты. Я положила ручку. Выдохнула. Телефон в кармане зажужжал.

— Молодец, — написал он в заметках. — Ты справилась. Теперь у тебя твёрдая пятёрка. Я улыбнулась. Спасибо, железный друг. Ты — мой герой.

Но радость была недолгой.

Марья Ивановна собрала листочки и села за свой стол. Я уже расслабилась и начала собирать рюкзак, как вдруг телефон снова завибрировал. Я глянула на экран — и чуть не упала со стула.

На нём было написано:

«Ой. Кажется, я отправил твои ответы Марье Ивановне как шутку. Прости. Это вышло случайно».

— ЧТО? — я сказала это вслух.

Класс обернулся. Марья Ивановна подняла голову.

— Света, что случилось? — спросила она строго.

— Ничего, — пискнула я. — Муха села. Я её прогнала.

— Муха? — Марья Ивановна приподняла бровь. — Ну-ну.

Она снова уткнулась в бумаги, а я в ужасе уставилась в телефон.

«Что значит „отправил“? Кому отправил? Как отправил?»

«На её школьную почту. Я создал фейковый аккаунт от имени „Центр помощи ученикам“. Отправил файл с решениями. Там есть и твои ответы, и ответы других. Но твои выделены зелёным. Я хотел, чтобы она оценила твой прогресс. Но, видимо, перестарался».

Я закрыла лицо руками. Это конец. Конец, конец, конец. Марья Ивановна сейчас откроет почту, увидит файл, поймёт, что я списала, и тогда...

И тут раздался голос Марьи Ивановны:

— Дети, я получила странное письмо. Кто-то прислал мне решения контрольной с пометкой «для смеха».

Класс замер. Я перестала дышать.

— Очень смешно, — продолжила она, нажимая на клавиши ноутбука. — Только вот решения неправильные. Во втором задании ошибка, в пятом — потерял корень, а в последнем вообще ерунда какая-то.

Она подняла голову и обвела класс взглядом.

— Тот, кто это прислал, явно сам нуждается в помощи. Так что, если это чья-то шутка — она неудачная. А если это попытка списать — то неудачная вдвойне, потому что эти решения, мягко говоря, неверны.

Я медленно выдохнула.

Телефон в кармане снова завибрировал. Я осторожно заглянула в экран.

«Ха-ха. Я нарочно сделал несколько ошибок. Чтобы никто не подумал, что ты списала. Теперь ты в безопасности. Кстати, правильные ответы я тебе дал, а в файл залил левые. Уверен

ты единственная, кто написала верно. Марья Ивановна будет в шоке, когда проверит твою работу».

Я чуть не засмеялась вслух. Вот же хитрый гад. Он специально отправил неправильные решения, чтобы все думали, что это фейк, а мои настоящие ответы остались незамеченными. Или нет? Я уже ничего не понимала.

Марья Ивановна закрыла ноутбук и вздохнула.

— В общем, кто бы это ни был — спасибо за заботу, но в следующий раз не надо. У меня своих головных болей хватает.

Она встала и вышла из класса, наверное, пить валерианку.

Я сидела и переваривала случившееся. Телефон снова спас меня. Но какой ценой? Он отправил письмо учительнице. Он создал фейковый аккаунт. Он играл со мной в кошки-мышки, и я даже не знала правил.

Достав телефон, я написала в заметках:

«Ты ненормальный. Ты это понимаешь?»

Телефон ответил:

«Ненормальный — это тот, кто не помогает своей хозяйке, а я помогаю. Ты получишь пятёрку. Увидишь».

Я хотела ещё что-то написать, но прозвенел звонок.

— Света, ты идёшь? — спросила подруга Кристина, заглядывая в класс.

— Иду, — сказала я, пряча телефон в карман.

На выходе из класса я столкнулась с Никитой. Он шёл с третьего этажа и улыбнулся мне.

— Привет, Свет. Как контрольная?

— Нормально, — сказала я. — Думаю, на пятёрку.

— Уверена? — он удивился. — Я слышал, Марья Ивановна сегодня злая.

— А я с ней нашла общий язык, — усмехнулась я.

Никита рассмеялся и пошёл дальше. Я смотрела ему вслед и гладила телефон в кармане.

ГЛАВА 4. Диктофонный кошмар на физре

Физкультура — это предмет, который придумали, чтобы унижать человеческое достоинство. Серьёзно. Зачем нам бегать, прыгать и отжиматься, если есть кнопки на телефоне, которые можно нажимать лёжа на диване? Но нет, школа считает, что здоровый дух в здоровом теле, а я считаю, что здоровый дух в здоровом телефоне.

Утро началось с того, что я проспала, потому что вчера снова допоздна зависала в соц-сетях. В итоге заснула в два, проснулась в семь, а в восемь уже должна была быть в школе. Мама орала из кухни: «Вставай, копуша», а я орала из спальни: «Я уже встала, просто лежу с открытыми глазами».

В школу я влетела за пять минут до звонка. Волосы собрала в пучок кое-как, а в рюкзаке — только телефон, пачка чипсов и старый стикер «Я люблю аниме», который я не знала, куда приклеить.

Первые три урока прошли как в тумане. Я сидела, кивала, иногда открывала рот, когда учитель смотрел в мою сторону, но в голове был один сплошной белый шум. И только телефон в кармане тихо гудел, иногда выдавая подсказки: «Сейчас спросят про Бородино, скажи, что это не только битва, но и хлеб».

А потом настал час расплаты.

Физкультура была четвёртым уроком. Я уже хотела отпроситься, сказав, что у меня живот болит, но живот не болел, а врать, как известно, я не умею. Пришлось идти в спортзал.

В раздевалке я с ужасом поняла, что формы нет: ни шорт, ни футболки, ни даже носков запасных. Вчера я стирала форму, положила сушиться на батарею и... забыла. Она так и висела там, бедная, одинокая, а я стояла в джинсах и толстовке.

— Света, ты чего? — спросила Кристина, натягивая шорты. — Опять форму забыла?

— Я не забыла, — обиженно сказала я. — Я её... временно переместила в другую точку пространства.

— То есть забыла.

— То есть да.

Кристина закатила глаза. Она уже привыкла. Я постоянно забываю форму, и каждый раз меня спасало либо чудо, либо то, что учитель физры Палыч был в хорошем настроении, но сегодня Палыч был в ужасном настроении. Я знала это, потому что он уже орал на весь коридор: «Опять девчонки опаздывают. Что вы там, макияж наводите? Вы на физру пришли, а не на конкурс красоты».

Палыча звали Виктор Палыч, но все называли его просто Палыч. Он был здоровенным мужиком с лысиной и усами, которые шевелились, когда он говорил. Говорил он всегда громко, даже когда просил передать мяч. У него была мечта — воспитать олимпийскую чемпионку, но в нашей школе все девочки мечтали только о том, чтобы сидеть на лавке и не умереть.

Я зашла в зал последней. Палыч стоял в центре, держа в руках свисток и секундомер. Увидев меня в джинсах, он замер. Усы его грозно дрогнули.

— Света, — сказал он голосом, от которого у меня подкосились колени. — Где форма?

— Дома, — пискнула я.

— А почему?

— Потому что... — я замялась. — Она сохла.

Палыч вздохнул так, будто я отняла у него последнюю надежду на золото в Олимпийских играх.

— Ладно. Бегать в джинсах будешь. Кросс, три круга вокруг школы. Кто не уложится в десять минут — пересдача в пятницу вечером.

Вечером в пятницу у меня были планы: досмотреть вчерашние видюхи, и лайкнуть всё, что выложит Никита. Пересдача в эти планы не входила.

Я вышла на улицу. Джинсы были узкие, почти как вторая кожа. В них невозможно не то что бежать — шагать нормально было трудно. Я сделала несколько шагов и поняла: это будет ад.

— Вперёд! — рявкнул Палыч, и мы побежали.

Первый круг я ещё кое-как продержалась. Дышала через раз, ноги в джинсах скользили, кроссовки противно скрипели. Телефон в кармане подпрыгивал и бил меня по бедру, как будто говорил: «Ну ты и дура, зачем ты в джинсах бегаешь?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.